

# Полчаса свободного времени

Первое очное интервью Платона Лебедева и Михаила Ходорковского — «Новой газете».

## Предисловие

11 октября журналистам «Новой газеты» председатель Хамовнического суда Виктор Николаевич Данилкин дал (в ответ на запрос редакции) письменное разрешение на очное интервью с обвиняемыми «по делу ЮКОСа» Платоном Лебедевым и Михаилом Ходорковским. Они, в свою очередь, передали судье свое согласие на эту беседу с журналистами «Новой». На съемку было отведено 5 минут, на разговор полчаса.

Мы и этому были рады: первый раз за семь лет заключения Лебедев и Ходорковский лично общались с российским изданием.

Около двух с половиной часов ушло на утрясание разных деталей с конвоем.

Текст, который вы прочтете, в процессе подготовки и визирования расширен несколькими фрагментами.

Лебедев и Ходорковский, как всегда, отказались отвечать на любые вопросы о своем тюремном быте и здоровье, мотивируя тем, что жаловаться не собираются.

Цвет лиц — бледный, но выглядят прилично. Отлично формулируют. Никакого надрыва. Жесткая уверенность в своей правоте и одновременно, как нам показалось, в том, что на свободу их не отпустят под любым предлогом. Как ни странно, видимо, силу дает им и то и другое. Во всяком случае, когда обвинение запросило для них 14 лет, они даже не вздрогнули.

— Платон Леонидович, Михаил Борисович! Спасибо, что нашли немного свободного времени!

**Лебедев** (смеется): Ну что у нас теперь есть — так это свободное время!

— Тогда вперед. В статье, предшествующей отставке Юрия Михайловича Лужкова, утверждалось, что выход на свободу обвиняемых «по делу ЮКОСа» приведет к дестабилизации обстановки в стране. Как бы вы могли прокомментировать это утверждение?

**Лебедев** (после паузы): Не ожидал, что такой вопрос будет первым. Прокомментировать могу очень кратко: я сомневаюсь в том, что выход на свободу Ходорковского и Лебедева приведет к дестабилизации обстановки. Тем более в стране. Но то, что это приведет к дестабилизации нашей семейной жизни (смеется), что родным придется к нам опять привыкать и мы дестабилизируем их привычный уклад жизни, потому что наконец-то внуки, дети, жены увидят этих самых нас в мужском обличье, — это да. Не сомневаюсь, что это, может, даже шокирует на определенное время наши семьи, пока они к нам снова не привыкнут.

— Михаил Борисович, вы что-нибудь добавите к ответу Платона Леонидовича?

**Ходорковский**: Нет. Мы друг друга очень ценим, но при этом значимость друг друга для страны не переоцениваем.

— Извините, мало времени, поэтому вопросы без раскочки. Как вы считаете, можно ли говорить, что бизнес в России стал по преимуществу государственным, а большая часть предпринимателей стала лояльной власти и по сути волей-неволей превратилась в государственных служащих?

**Лебедев**: Из того, что по крайней мере я читаю, из того, что мне становится доступным, — похоже на то. Но не со всеми так происходит. Опять же из того, что мне известно: некоторые пытаются все-таки быть бизнесменами. Правда, у них по-разному потом судьба складывается. Но это другое.

**Ходорковский**: Согласен.

## Как быть с элитой и что грозит стране?

— Тогда главный вопрос: с какими ключевыми политическими, экономическими, социальными вызовами столкнется президент 2012 года? Долго ли протянет система без политической и экономической конкуренции? Кого из кандидатов вы бы поддержали и видите ли вы возможность появления реальной политической альтернативной силы?

*(Платон Лебедев поднимает руку.)*

— Да, Платон Леонидович!

**Лебедев** указывает на Ходорковского): Вот он знает, политика у нас — это по его части. Меня на процессе научили разным словам — типа: «инструмент», «способ», «механизм». Вот у меня способ следующий: я перевожу стрелки на соседа. *(Смеется.)* Он знает, что ответить, а я нет.

**Ходорковский:** Ключевые вызовы для человека, избранного президентом в 2012 году? Нарастающее противоречие между снижением потенциала немодернизированной экономики — с одной стороны, алчностью бюрократии — с другой, и ожиданиями населения — с третьей.

Невозможность модернизации экономики определяется, в свою очередь, неэффективной системой государственного управления с ее архаичностью и тотальной коррумпированностью.

По многим причинам очередная кризисная точка придется где-то на 2015 год.

Список проблем длинный. Среди них (не в порядке важности):

- исчерпанность потенциала сырьевого роста. То есть и добывать больше не сможем, и цены больше не дадут необходимого прироста доходов;
- непрерывное сокращение доли активного (работающего) населения;
- непрерывный рост численности силовиков и бюрократии, то есть той части работающего населения, которая не только сама не создает продукцию, но и перераспределяет ее в свою пользу; — крайне медленный рост производительности труда, поскольку не она сегодня — действительный критерий успешности управленцев;
- отсутствие промышленной политики (про основные направления, выдвинутые президентом, уже все забыли) в результате вбахивания сил и средств в обреченные на неудачу проекты, направленные на конкуренцию с Китаем и, в будущем, с Индией в тех областях, где эти страны имеют очевидные конкурентные преимущества (например, дешевизна рабочей силы).

В общем, для будущего президента выбор прост: либо работающее население больше производит, либо остальная часть — меньше потребляет.

А внутри остальной части — еще проще: если больше потребляет бюрократия, значит, меньше — все остальные. И наоборот.

Давить производителя не выйдет. Сбегут. Уже бегут.

Хотите мое предсказание? Пока гром не грянет — наша элита не перекрестится. На все президентские попытки частных изменений ответом будет саботаж. На институциональные изменения решимости не хватит.

Значит, рост цен, тарифов, коммунальных платежей; сокращение фактического перечня и качества бесплатных услуг в медицине и образовании; повышение пенсионного возраста, обесценивание социальных выплат; создание неконкурентоспособных промышленных мощностей третьей технологической волны.

— И где выход? С момента публикации в «Ведомостях» вашей статьи «Левый поворот», где вы ратовали за примирение свободы и справедливости и видели выход для России в ее политическом повороте влево, прошло пять лет. Считаете ли вы и теперь так же? Есть ли в России при тех факторах, которые вы предсказали, опасность прихода к власти уже не левых, а нацистов?

**Ходорковский:** Я в «Левом повороте» писал, что «полевение», понимаемое максимально широко, — объективный процесс нынешнего этапа развития и в России, и в мире, а политические силы, которые хотят быть влиятельными, должны эту объективную ситуацию учитывать.

Здесь речь идет и об экологических движениях, и о запросе на большую социальную справедливость.

Националистические настроения — объективная неизбежность на этапе строительства национального государства. А мы очередной раз пытаемся сделать выбор между империей и национальным государством.

И этот выбор нам придется сделать. Но искусство идеологов, интеллигенции, всей элиты заключается не только в правильности выбора, но и в том, чтобы суметь направить подобные общественные процессы, настроения в позитивное, по-настоящему патриотическое русло.

Не в болтовню о том, как «мы любим Россию», и уж точно не в избиение и унижение тех, кого мы сами пригласили в наши города, пусть даже из-за собственной лени и глупости. А, например, в инфраструктурное и культурное объединение российских просторов от Владивостока и Сахалина до Пскова и Калининграда, в борьбу с пьянством, наркоманией, с безнадзорностью детей и подростков, с дедовщиной в армии.

Да мало ли реальных задач, которые необходимо решить, чтобы страна, русский народ занимали достойное себя место? Чтобы нам завидовали и хотели здесь жить, а не скрыто презирали, чтобы мы сами ощутили себя единым народом, а не случайными соседями в заплеванной нами же общаге.

**— Вот вы сказали про элиту и ее ответственный выбор. А вас не изумляет ловкость, с которой наша властная элита настаивает на том, что у русского народа нет привычки к свободе, что свобода для него гибельна, что он любит сильную руку. Вот и на Западе уже популярно мнение, что у русских — ген сталинизма и нет привычки к демократии. Или у нас больше проблем с элитой, чем с народом? Вы 7 лет не на свободе. У вас исчезла привычка к ней?**

**Ходорковский:** Нет привычки к свободе? На индивидуальном уровне — ерунда. Свобода воли дарована нам Творцом. Наши люди за границей прекрасно адаптируются. А вот на уровне государства и общественных институтов — здесь действительно выжженная пустыня. Элита ленива, и при всей патриотической лексике — абсолютно компрадорская. Надо заметить, это — не только ее вина. Существующие правила игры мешают даже элите ощутить свою ответственность за страну.

Нет постоянной и защищенной собственности, нет постоянных и эффективных общественных институтов, нет общепризнанных моральных норм — везде однодневки и временщики. Это очень опасная ситуация, ее необходимо срочно изменить.

А сделать это можно только с помощью институтов, которые должны стать именно институтами, а не симулякрами — красивыми картинками для «экспортного» использования. Декларируемые ценности должны стать реальными целями каждодневной работы, а не дежурными лозунгами в духе «генеральной линии». Народ, страна и даже элита не могут нормально развиваться в условиях навязываемой ценностной и функциональной шизофрении.

Именно шизофрении, потому что почти все является не тем, за что себя выдает. Партии — не совсем партии, профсоюзы — не вполне профсоюзы. Суды — по сути, не суды, собственность — не собственность, закон — лишь тема для дальнейших рассуждений и торговли правоприменителей.

**Лебедев:** На мой взгляд, из того, что мне известно про историю России, во все времена в России была элита. Просто ее положение, место, роль всегда менялись. Сейчас элита тоже есть. Вопрос заключается в том, насколько сама элита хочет быть нужной и востребованной особенно в те кризисные моменты, когда очень существенная часть населения считает, что от мнения элиты зависит и ориентация людей в окружающем пространстве по вопросам и вызовам, стоящим перед страной. Мы привыкли к тому, что под словом «элита» подразумевается круг людей, который составляет гордость нации, круг людей, на чье мнение многие ориентируются. Если брать последний период, последние 20 лет, то у нас к такого рода людям принято причислять Сахарова, Лихачева... Очевидно, что именно сейчас людей такого уровня не видно. Это не значит, что их нет. Их просто не видно. Большой элиты, представителей этой элиты как выразителей чаяний, мнений и нужд, потребностей и ожиданий населения, их сейчас не видно. А тогда это было. Все с этим соглашались. Это была почти аксиома или теорема, точно подлежащая спокойному доказыванию. Сейчас с этим сложнее. Вопрос вот еще от чего зависит: сами представители элиты должны определяться, кем они себя считают. Если они себя в эту элиту зачисляют, то значит, они должны соответствовать не только своим потребностям, но вызовам времени. Ну и тут, естественно, вопрос: кто эту элиту формирует, с помощью каких средств? У нас же есть несколько видов элит: в «ящике» мы можем смотреть одну элиту, по радио у нас может быть другая элита, в желтой прессе — четвертая. А вот в общественном сознании кто является элитой? Сейчас проблема в том, что у нас общепонимаемой и признаваемой всеми элиты не существует практически. Я не беру единицы, и употреблять их тоже фамилии не буду на всякий случай. Но вывод примерно такой: элиты, которую понимают и признают даже их оппоненты, типа Сахарова и Лихачева, нет.

— А назовете главный признак элиты? Чтобы ее, незаметную, распознать?

**Лебедев:** Здесь, на нашем судебном процессе (чуть по-другому его не назвал), очень часто употребляю слово «добросовестность». Это слово — ключевое для понимания реального смысла всех терминов или слов, которые мы произносим. Добросовестность — ключ.

**«Вопрос: и чего мы здесь делаем?»**

— Платон Леонидович! Хотите — отвечайте, хотите — нет. Нам тут стало известно, что вы получили некоторые давно ожидаемые бумаги, связанные с тем, что потерпевшие признали: ваша деятельность принесла прибыль компании, а не убыток. Это в принципе ломает всю логику обвинения. Если это можно комментировать, то расскажите, пожалуйста, что это за бумаги?

**Лебедев:** Да вот мы как раз сегодня с адвокатами, как ни странно, эту тему обсуждали. Событие замечательное произошло: практически в последний день судебного следствия судья нам сказал, что наконец-то пришли бумаги, которые суд запрашивал. Суд даже грозил этим «потерпевшим», что если они эти бумаги не пришлют, то он...

**Ходорковский:** Их оштрафует. (Смее тся.)

**Лебедев:** ...Каким-то образом на них повоздействует. В общем, пришли в итоге бумаги от так называемых потерпевших. От «Роснефти», например (*Лебедев раскладывает на своем столике в «аквариуме» эти бумаги и показывает.* — Ред.) Как вы знаете, инкриминируемое нам действие называется «хищение всей нефти». Что «Роснефть» рассказывает про это «хищение»? Что за 2003 год она при этом изумительном хищении получила выручку 68 миллиардов 862 миллиона рублей и потратила на это 61 миллиард 672 миллиона. То есть получилось более 7 миллиардов прибыли от продажи этой нефти. Вот это у нас — «хищение»! От этого они потерпели!

— А на самом деле получили прибыль...

**Лебедев:** Ну да, 7 миллиардов. И они от этого «потерпели». К сожалению, мы у самих представителей «Роснефти», тем более у того, кто подписал эти бумаги (это представитель «Роснефти» по доверенности господин Поклонов), не можем выяснить, как они потерпели? Но вот бумаги, их бумаги! Уже ничего с этим не сделать. Была прибыль от добытой нефти, а не хищение.

— В суде потерпевших не было?

**Лебедев:** Да, в суд они не пришли.

**Ходорковский (незлобиво):** А хотелось бы выяснить, как они с похищенной нефти получали выручку...

**Лебедев:** Да и вообще хотелось бы узнать, сильно ли они терпели. Может быть, просто не знали, куда сложить эти 7 миллиардов? Может быть, думали, что эти 7 миллиардов в монетах? Это тогда тяжело. Может, они не заказали склад? Мы бы им подсказали форму, как это хранить...

— Еще про свидетелей. Михаил Борисович, вы хотели, чтобы в суд были вызваны несколько крупных государственных чиновников. Приходил господин Греф, приходил Христенко. А премьер-министр господин Путин и (до недавнего) руководитель компании «Роснефть» Богданчиков не пришли. А не могли бы вы сказать, какие вопросы вы хотели бы задать этим свидетелям?

**Ходорковский:** В рамках процессуальных возможностей, которые сейчас имеются, я бы, естественно, их спрашивал именно о том, что им известно по обстоятельствам дела. Владимир Владимирович Путин был сначала премьер-министром, потом президентом в течение всего срока, когда мы «похищали», по мнению обвинения, нефть. Хотелось у него узнать, насколько он считает реальным, чтобы такой факт, как пропажа 20% всей добытой в России нефти, прошел бы для него на тот момент незамеченным? Хотелось бы, конечно, также узнать, насколько та позиция, которую сейчас занимает Российская Федерация в Страсбургском и Гаагском судах (а там, вы знаете, не абы кто выступает сейчас — заместитель министра юстиции с позицией Российской Федерации), и говорит о том, что ЮКОС продавал нефть, получал прибыль, то есть являлся законным собственником, обязанным уплатить налоги, и, мол, налогов уплатил недостаточно, поэтому его обанкротили законно и обоснованно — так вот, насколько эта позиция, занимаемая одним ведомством — правительством, вверенным Владимиру Владимировичу, соответствует позиции другого ведомства — Генеральной прокуратуры. Последняя утверждает на этом процессе, что нефть была «похищена». Как мы

понимаем, с похищенного имущества налоги требовать было бы смешно. Поскольку оба эти направления курируются правительством (и предъявление обвинения в суде, во всяком случае — в экономической его части, и позиция Российской Федерации в международном суде) и поскольку они явно друг другу противоречат, хотелось бы выяснить: кто из них прав? Или, может быть, оба неправы? *(Смеемся.)*

**Лебедев:** А мой вопрос этим людям был бы связан со следующим. Я уже на эту тему говорил и полагал, что она до этого судебного разбирательства для всех общеизвестна. Это заведомая несопоставимость, экономическая несопоставимость цен внутреннего рынка на нефть и цен на российскую нефть в Роттердаме. Все мои вопросы были бы связаны с феноменом, или синдромом Роттердама. Очень простой вопрос. Один из основных элементов, который бы я взял, — экспортные пошлины.

Всем понятно, что экспортные пошлины платят, когда нефть продается на экспорт. Речь идет о внутренних ценах. Ну и все вопросы или характер основного вопроса и Путину, и Сечину, и Богданчикову был бы связан с тем, а известно ли им, из-за чего возникает заведомая экономическая несопоставимость?

Не в силу ли этой экономической несопоставимости бюджет Российской Федерации ежегодно пополняется за счет экспортной пошлины на нефть, именно в силу того, что экспортная пошлина на нефть и представляет собой механизм изъятия этой заведомой экономической несопоставимости в виде ценовой ренты в доход бюджета?

И известно ли, или, например, помнит ли Путин, что именно он устанавливал в свое время, когда был премьером, размер этой экспортной пошлины? А когда он был президентом Российской Федерации, подписывал законы о бюджете Российской Федерации, основной источник дохода которой зависит от экспортной пошлины. *(В конце беседы Лебедев передаст в распоряжение «Новой» копии соответствующих постановлений Путина, в частности 1999 года и 2000 года. — Ред.)*

И известно ли им всем, в том числе прокурорам, следователям и судьям, что они и зарплату в конечном итоге получают, ну или часть зарплаты *(смеемся)*, именно из этой ценовой разницы?

А если это общеизвестно, то тогда вопрос: что мы здесь делаем?

Если это тайна, или это тайной оказалось для Генеральной прокуратуры, или для ее особо выдающихся представителей, то тот же вопрос: что мы здесь делаем?

Потому что механизм нашего сфабрикованного обвинения построен на очень простом моменте, как вы знаете, на том, что нефть-то продавалась (они даже так и пишут в обвинении), но не по ценам в Роттердаме. А почему она должна была продаваться здесь, в России, по ценам в Роттердаме?! Вот здесь они увидели «хищение»! Так что вопросы мои этим свидетелям связаны с общеизвестными законами, с общеизвестными нормативными актами. Точно так же я бы их спросил: а являются ли сейчас и все это время цены на внутреннем рынке России и в Роттердаме сопоставимыми, и взимаются ли экспортные пошлины, а если взимаются, то почему и кто подписывает эти постановления? Тем более Путин сейчас опять же премьер, он же новые экспортные пошлины и подписывает!

## Про коррупцию, полицию и бизнес за решеткой

— **Михаил Борисович, вопрос к вам. Ровно два года назад мы написали одну из статей, в которой заметили, что приблизительно 10% ВВП — это рынок коррупции. То есть приблизительно 30 миллиардов долларов. Как бы вы, будучи человеком информированным, несмотря на содержание под стражей, и видящим, что происходит в отрасли, в том числе в вашей, оценили бы рынок коррупции на сегодняшний день?**

**Ходорковский:** Я говорил о 30 миллиардах долларовой коррупции в период 2002—2003 годов. Это были те оценки, которые делали уважаемые мной российские и международные организации, занимавшиеся этим вопросом. Сейчас масштаб коррупции оценил заместитель генерального прокурора, такой у нас есть Буксман. Он 2—3 года назад давал на эту тему интервью, где говорил, что речь идет о 230—300 миллиардах долларов.

— **То есть положительная динамика?..**

**Ходорковский:** Да, динамика положительная. Хотя я, конечно, не убежден, что здесь надо говорить о тривиальном понимании тех денег, которые переходят из рук одного человека в руки другого. Скорее здесь надо говорить о том, что называется коррупцией в тех международных соглашениях, к которым мы присоединились: незаконные выгоды, получаемые государственными чиновниками, в частности, путем

передачи заказов своим родственникам, путем откатов разного рода... Вот это реальные деньги. Это не гаишники и уж тем более не врачи с учителями...

— После разговора о коррупции нестерпимо захотелось спросить про закон о полиции. Изучили?

**Ходорковский:** Нам не приходилось в нашем процессе иметь дело с милицией как таковой, но, естественно, закон я прочитал крайне внимательно. Должен сказать, что в значительной мере солидаризируюсь с позицией Ассоциации юристов, которая выступала на эту тему: закон написан так, что поправить его, не меняя сути, будет очень трудно. И главная проблема в том, что президент, когда он будет подписывать этот закон, принимает ответственность за полицию на себя лично, тем более с учетом переименований и всего прочего. Но ничего не изменится! Не потому, что закон плох или хорош (я даже это не беру), а потому, что не подготовлен тот набор организационных и практических действий, который мог бы позволить в течение 11-го года или даже 12-го года заставить этот закон изменить облик милиции или полиции.

Из-за этого ожидания людей окажутся в очередной раз напрасными, а связаны они будут уже, к сожалению, непосредственно с личностью президента. Что касается прочего, то проблемы милиции — это обычные управленческие проблемы: во-первых, слишком большая организация, полтора миллиона человек. Это просто неверно построенная конструкция. Ею невозможно управлять нормально. Ну невозможно набрать полтора миллиона человек и управлять ими эффективно из министерства на такой огромной территории. Во-вторых, кадровый состав. Невозможно произвести отбор таким образом, чтобы полтора миллиона российских мужиков вдруг оказались сильно отличными от остальных... (я не знаю, сколько у нас точно работающего населения), еще тридцати миллионов российских мужиков. Такие же они будут! Только с немыслимыми правами, обозначенными в этом законе! Да еще и сами себя контролирующие. И, наконец, конечно, невозможно в такие короткие сроки провести (даже если был бы представлен прекрасный закон, были бы уже разработаны прекрасные инструкции и прекрасные центры по переподготовке) переподготовку такой массы народа, невозможно им вбить в головы новые инструкции, новые правила поведения за короткий период времени. Я, имея все-таки большой опыт управленческой работы, скажу: если бы даже все было готово, то мне бы потребовалось для решения управленческой задачи в масштабах компании, которая была меньше на порядок, годика два. Вот в этом сегодня, наверное, основная проблема. Очередные надежды, которые неизбежно останутся нереализованными.

— Вы наверняка для себя лично уже оба объяснили, почему, несмотря на поправку Дмитрия Медведева в 108-ю статью УПК, запрещающую арест предпринимателей, почему все-таки такое сопротивление оказывается этой поправке и в вашем деле, и в делах других предпринимателей? Кого-то отпускают, но все-таки... Почему такое сопротивление судебного института, прокуратуры, милиции этой поправке?

**Лебедев:** Здесь есть несколько моментов. Первый — привычка. Базовая привычка системы к тому, что до тех пор, пока кого-то первым сильно не наказали с позором на всю страну, никто ничего не боится. Не боится по очень простой причине. Вот мы говорим, что кто-то что-то там из судей вместе с прокурорами нарушает, поскольку новая норма запрещает аресты по предпринимательским статьям. Задайтесь вопросом: а что случилось при продолжении игнорирования этой нормы? Что произошло с представителями системы, которые не обращают внимания на президентские поправки? Кто-то лишился работы?

— Пока нет, мы подтверждаем.

**Лебедев:** Вот вам и ответ на ваш вопрос. Еще одна подоплека: привычка системы или ее представителей к тем или иным видам выгодоприобретения из этой ситуации. Потому что те примеры, которые вы приводите везде и которые я знаю как зэк (извините): каждый второй выход на свободу — это, не забываяте, не просто выход на свободу. Это, как правило, под залог. Суммочки прописаны. И, насколько я понимаю это, мы имеем так называемую систему двойного залога: один залог в суд, а другой, в кавычках, «залог» — в другое место, тогда ты выходишь на свободу! Это, я бы сказал, одна из форм полурэкета, полувымогательства, полукоррупции. Эта практика может превратиться в систему. Просто к ней сейчас еще, я бы сказал, люди привыкают, ищут способы, формы, инструментарий подбирают, как решать эту проблему. А когда научатся, в худшем смысле слова, в негативном, использовать статью 108-ю с точки зрения «бизнеса», опять же в кавычках, то формально людям, которые при этом не будут сидеть, может быть, станет лучше, а с другой стороны, уровень коррупции только вырастет. Потому что общий смысл, который извращается, общий позыв — НЕЛЬЗЯ!.. А ведь помимо всего прочего существует презумпция невиновности: дайте человеку возможность доказывать свою состоятельность в суде, потому что экономика это — аргументы, документы, это не «физика» — «убил — сел», это более сложная тема.

...Вернусь к главному — почему не соблюдается поправка. Все идет от безнаказанности тех, кто ее игнорирует.

**Ходорковский:** Эта поправка президента ясно и точно написана. Она подрывает уже состоявшуюся «кормушку», то есть ту «кормушку», вокруг которой очень много народу давно и успешно кормится. Надо заметить, к глубокому сожалению, что это мы можем наблюдать со многими инициативами Медведева. Мы видим, какие из них идут, какие не идут. Вот те, которые ломают «кормушки», идут с большим трудом и огромным саботажем. Как и поправка к 108-й статье.

## Страх за свою жизнь давно нет

*(Рост закончил снимать, время для этого было ограничено, и приступил к вопросам, выходящим за рамки уголовно-политического процесса.)*

**Рост:** У меня из другой области. Свобода — это и отсутствие ожидания страха. В вольной жизни у вас было такое ощущение ожидания? Или вы чувствовали себя свободными? Как бы вы ни ответили на этот вопрос, у него есть продолжение: существует ли это ожидание страха сейчас? Может случиться, что, несмотря на нынешнее состояние, вы более свободны?

**Лебедев:** Я здесь попробую дорасшифровать ваш вопрос: вы о страхе за свою жизнь?.. Элементы страха бывают разные: страх за ребенка, страх житейский, естественный, ежедневный...

Если речь идет о страхе за свою жизнь, то уже давно — нет! Уже давно нет. А вот страх за судьбы своих любимых, близких людей, конечно, он всегда есть. Чисто такое мужское, отеческое или дедушкино... Ну я бы, может быть, не всегда называю для себя это словом «страх», но опасения, переживания за других — есть, за себя — нет вообще. А на свободе, до ареста, если вы это имеете в виду...

— Да!

**Лебедев:** Вы знаете, в чем дело: худо-бедно — мне шестой десяток, внуки есть, дети есть. О том, что было, — ни о чем практически не жалею. Я прагматически рассуждаю: из-за чего должен быть страх? За что мне бояться, кроме жизни и здоровья близких и дорогих мне людей? За себя? Ну уже эта тема, она, я бы сказал, бессмысленная: со мной могут в одну секунду сделать все что угодно. И я даже не буду приводить вам примеры. *(Смеет ся.)* Поэтому чего уже тут бояться? Поймите правильно... До ареста — ну, наверное, практически тот же самый подход, только совсем другие ощущения. Последние годы, года три-четыре до ареста, у меня было ощущение суперкомфорта работы. Понимаете, замечательное ощущение комфортности работы. Конечно, коллеги *(кладет руку на плечо Ходорковского. — Ред.)* к этому тоже прикладывали определенные великие усилия. Комфортно было работать. Некогда было, с сожалением могу сейчас констатировать, слишком глубоко задумываться о той параллельной грязи и рисках, которые существуют в стране. Ну иногда что-то читаешь в газетах, видишь по телевизору... Но затягивание в комфортную работу притупляет, что ли, чувствительность ко многим темам, которые на самом деле есть и были, оказывается. Ты их не то что вовсе не замечал, но по-другому оценивал. А сейчас, когда это коснулось себя любимого, ну что ж!..

Знаете, честно говоря, мне теперь всегда даже более смешно, чем страшно. Может, это такой высший уровень страха, который можно придумать?

— Может быть, это защитная реакция?

**Лебедев:** Не думаю, не думаю. Ну вот если мне смешно, это, может быть, и защитная реакция, не знаю, но мне очень часто смешно на эти так называемые страхи смотреть.

**Ходорковский:** Я на протяжении очень многих лет был первым руководителем, то есть человеком, который несет ответственность за очень большие коллективы — людей, которые работают, семьи их, акционеров. Это все-таки давит. И когда что-то говоришь или что-то делаешь, в том числе когда разговариваешь с журналистами, то думаешь: а вот как это на людях-то отразится, на тех, кто работает, на тех, кто держит акции в руках? И вот это, конечно, очень напрягает и очень заставляет быть осторожным. А когда эту ответственность с меня сняли *(смеет ся оба)*, то вот эта часть груза, она, конечно, ушла, я с этой точки зрения, конечно, себя чувствую более спокойно, комфортно.

— В этой части жизни?..

**Ходорковский:** Да, в этом сегменте более комфортно. Ну а что касается личных угроз, личных проблем, вы же знаете нашу жизнь на протяжении этих 20 лет, они всегда были: и там были, и здесь были, и соразмерить их между собой очень сложно.

— Отведенное нам время кончается. Я хотел задать еще один вопрос. Там, на воле, вас окружало огромное количество соблазнов, которые надо было преодолевать для того, чтобы сохранять себя: и власть, и деньги, и безграничные возможности, все что угодно... Здесь, в этой ситуации, вот в этом закутке, вам нужно преодолеть только одну опасность — опасность потерять достоинство. Только и всего. Скажите, какая из этих задач сложнее?

**Лебедев:** Если коротко ответить: мы стараемся. Но отношение к соблазнам... Я в общем-то не против, если есть какие-то соблазны!.. *(Общий смех.)* Возвращусь к вашему предыдущему вопросу. Вот что действительно, по-государственному, страшно — это оппонент Лахтин\*. Вот это страшно! Потому что, если государство до настоящего времени позволяет такого человека в таком качестве в нашем процессе (я уже не буду говорить про систему дистанционного управления им), вот это с точки зрения государственных подходов должно быть страшно! Я сейчас специально никаких эпитетов или прилагательных форм не применяю. Вот это должно быть страшно. Это как раз тема, над которой в общем-то надо задуматься всем: вот от этого места *(указывает на дверь судьи В. Данилкина. — Ред.)*... ну и в общем-то всем присутствующим. Я бы сказал: не дай бог даже на административном производстве попасть на такого оппонента!

**Ходорковский:** Я только добавить могу, что, будучи на свободе, мы как-то старались держать себя в рамках. Получалось или не получалось — не нам оценивать! Ну а здесь... Они постараются!.. *(Смеется.)* Они постараются. А уж что получится, оценим опять же не мы.

*(Конвой показывает, что время беседы истекло.)*

— Скажите, за эти семь лет, это же огромный срок, вы были, бывали счастливы хоть как-то, когда-нибудь, в какой-то ситуации?

**Лебедев:** Конечно! И очень часто.

— Спасибо огромное!

**Ходорковский, Лебедев:** И вам спасибо! И спасибо вашим коллегам, которые здесь постоянно бывают.

— До встречи!

\* Государственный обвинитель на процессе.

### За рамками интервью

— Кто сегодня ваши главные собеседники? Какие люди, встречи, письма, разговоры в личном общении (при всей ограниченности контактов) с 2003 года и по сей день поразили вас, произвели сильное впечатление? Есть ли люди, чье мнение вам особенно дорого, авторитетно? Назовите их, если это возможно.

**Ходорковский:** Вы правильно отметили, что нынешний мой круг личного общения по понятным причинам очень ограничен. Но в России очень много уважаемых мною людей. Они, естественно, работают в различных областях. В физике — одни, в медицине — другие, в юриспруденции — третьи, в литературе и искусстве — четвертые.

В тех областях, которые меня сегодня интересуют, — право, общественное устройство, госуправление, экономика, — понимание действительных взглядов многих людей затруднено из-за самоцензуры.

Возьмите, для примера, таких очевидно серьезных профессионалов, как Сурков, Третьяков, Павловский и целый ряд других. Их интеллектуальная лояльность не позволяет понять действительные взгляды на общественно значимые проблемы.

Я всегда с интересом слушаю и читаю Евгения Примакова, Тамару Морщакову, Виктора Геращенко, Евгения Ясина, Юрия Афанасьева, Юрия Рыжова. Очень помог мне обмен

мыслями с Людмилой Улицкой, Борисом Стругацким, Григорием Чхартишвили.

Считаю для себя весьма авторитетными такие исследовательские центры, как Центр Левады, Высшая школа экономики, РГГУ, ИНСОР. Стараюсь не пропускать статьи Владислава Иноземцева, Владимира Рыжкова, Лилии Шевцовой и ряда других экспертов. «Новую газету», как и некоторые другие издания, читаю с удовольствием и практически целиком.

Интервью брали  
**Дмитрий Муратов**  
**Юрий Рост**  
**Вера Челищева**

Автор: Артур Скальский    © Новая газета    ОБЩЕСТВО, РОССИЯ    👁 4101    08.11.2010, 15:27

URL: <https://babr24.com/?ADE=89523>    Bytes: 33503 / 32728    [Версия для печати](#)    [Скачать PDF](#)

Поделиться в соцсетях:

*Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:*

- [Телеграм](#)
- [ВКонтакте](#)

*Связаться с редакцией Бабра:*  
[newsbabr@gmail.com](mailto:newsbabr@gmail.com)

Автор текста: **Артур**  
**Скальский.**

#### НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: [@babr24\\_link\\_bot](#)  
Эл.почта: [newsbabr@gmail.com](mailto:newsbabr@gmail.com)

#### ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: [bratska.net.net@gmail.com](mailto:bratska.net.net@gmail.com)

#### КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь  
Телеграм: [@bur24\\_link\\_bot](#)  
эл.почта: [bur.babr@gmail.com](mailto:bur.babr@gmail.com)

Иркутск: Анастасия Суворова  
Телеграм: [@irk24\\_link\\_bot](#)  
эл.почта: [irkbabr24@gmail.com](mailto:irkbabr24@gmail.com)

Красноярск: Ирина Манская  
Телеграм: [@kras24\\_link\\_bot](#)  
эл.почта: [krasyar.babr@gmail.com](mailto:krasyar.babr@gmail.com)

Новосибирск: Алина Обская  
Телеграм: [@nsk24\\_link\\_bot](#)  
эл.почта: [nsk.babr@gmail.com](mailto:nsk.babr@gmail.com)

Томск: Николай Ушайкин  
Телеграм: [@tomsk24\\_link\\_bot](#)  
эл.почта: [tomsk.babr@gmail.com](mailto:tomsk.babr@gmail.com)

[Прислать свою новость](#)

## **ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:**

---

Рекламная группа "Экватор"

Телеграм: @babrobot\_bot

эл.почта: eqquatoria@gmail.com

## **СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:**

---

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)